

DOI: 10.31857/S086919080027668-1

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ФЕДЕРАТИВНЫХ ИНСТИТУТОВ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ЛИКИИ

© 2024

С.К. СИЗОВ ^а

^а – Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия
ORCID: 0000-0001-9867-9549; sergey_sizov@yahoo.com

Резюме: Союз городов Ликии, созданный на юге Малой Азии в первой половине II в. до н.э., имел федеративную организацию, во многом напоминающую устройство других федераций эллинистического мира, возникших гораздо раньше, особенно Ахейского союза. Есть основания полагать, что некоторые федеративные институты Ликийского союза были построены по ахейскому образцу. Вероятно, совпадал порядок формирования высшего органа федерации, который в обоих союзах представлял собой многолюдное собрание делегаций полисов, численность которых зависела от величины города. Возможно также заимствование некоторых деталей военной организации, о чем свидетельствует редкое название должности командира городского ополчения в обеих федерациях (*apoteleios*). Одинаковая система пропорционального представительства больших, средних и малых городов в соотношении 3:2:1 существовала как в Ликии, где она определяла долю участия каждого города в составе федерального собрания, в формировании армии и пополнении казны, так и в Ахейском союзе, где в данной пропорции комплектовалась коллегия номографов. Однако не следует утверждать, что Ликийский союз был целиком построен по ахейской «модели». Соотношение 3:2:1 в Ахейском союзе, вероятно, не имело столь же универсального значения, как в Ликии, и едва ли применялось при формировании армии и определении размеров податей в федеральную казну. В Ахейском союзе глава федерации – стратег – имел и военные, и административные полномочия, в то время как в Ликии они были разделены между ликиархом и стратегами. Некоторые совпадения в организации обоих союзов могут быть объяснены тем, что ликийцы, создавая свою федерацию, могли применять те принципы, которые давно утвердились во многих греческих союзах, и подражать практике, широко распространенной в федеративных государствах Греции. Некоторые же особенности устройства Ликийского союза вполне могли быть результатом оригинального политического творчества ликийцев.

Ключевые слова: Ликия, Ликийский союз, Ахейский союз, федерализм, пропорциональное представительство, синод, экклесия.

Для цитирования: Сизов С.К. О происхождении федеративных институтов эллинистической Ликии. *Восток (Oriens)*. 2024. № 1. С. 36–46. DOI: 10.31857/S086919080027668-1

ON THE ORIGIN OF THE FEDERAL INSTITUTIONS OF HELLENISTIC LYKIA

© 2024

Sergey K. SIZOV ^a^a – Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,

Nizhny Novgorod, Russia

ORCID: 0000-0001-9867-9549; sergey_sizov@yahoo.com

Abstract: *The Lykian koinon that existed in the south of Asia Minor from the first half of the 2nd century BCE, had a federal organization, in many ways reminiscent of the structure of other federations in the Hellenistic world, especially that of the Achaian koinon. The Lykians may have deployed the Achaian-type organization of the supreme federal authority, namely a crowded meeting of delegations, the size of which depended on the cities' size. Some details of the Achaian military organization could have been borrowed by the Lykians, as evidenced by the rare title of the commander of the city militia in both federations (apoteleios). The same system of proportional representation of cities in the ratio of 3:2:1 existed both in Lykia, where it determined the share of participation of each city in the federal affairs, and in the board of nomographoi of the Achaian koinon. However, the Lykian koinon was not entirely based on the Achaian "model". In the Achaian koinon, the ratio of 3:2:1 probably did not have the same universal meaning as in Lykia, the head of the federation had both military and administrative powers, while in Lykia they were divided between the Lykiarch and the strategos. Some similarities in the organization of both leagues can be explained by the fact that the Lykians could use some principles and practices that were widespread in many Greek koina. Some features of the structure of the Lykian koinon could well be the result of the original political creativity of the Lykians.*

Keywords: Lykia, Lykian koinon, Achaian koinon, federalism, proportional representation, synodos, ekklesia.

For citation: Sizov S.K. On the Origin of the Federal Institutions of Hellenistic Lykia. *Vostok (Oriens)*. 2024. No. 1. Pp. 36–46. DOI: 10.31857/S086919080027668-1

Расположенная на юге Малой Азии Ликия, обитатели которой говорили на одном из хетто-лувийских языков, к началу II в. до н.э. была почти полностью эллинизирована: эпиграфические документы на местном наречии исчезают и заменяются греческими, города Ликии приобретают облик и устройство греческого полиса, подавляющее большинство упоминаемых в надписях имен являются эллинскими. В первой половине II в. до н.э. здесь была создана федерация полисов, очень похожая на федеративные государства Греции эллинистического времени¹. Сохранилось ее описание, переданное Страбоном со ссылкой на труд географа Артемидора Эфесского, который был написан около 100 г. до н.э.: «Двадцать три города Ликийского союза имеют право голоса. Они сходятся из каждого города на общее собрание, выбрав город, который покажется им подходящим. Из городов

¹ Когда именно был основан Ликийский союз, в точности неизвестно. Долгое время считалось, что Ликийская федерация уже существовала в конце 180-х гг. до н.э., когда «союз ликийцев» был упомянут в надписи OGIS 99 из Александрии Египетской [Larsen, 1968, p. 240; Jameson, 1980, p. 834–835; Troxell, 1982, p. 11; Behrwald, 2000, S. 89–90; Reitzenstein, 2011, S. 22]. Однако недавно было высказано убедительное предположение, что в данном документе выражение κοινὸν τῶν Λυκίων относится не к федерации ликийских городов, а к объединению воинов ликийского происхождения, служивших в птолемеевской армии [Lanciers, 2017, p. 116–127]. В любом случае окончательное становление федерации как независимого государства должно относиться к периоду вскоре после 167 г. до н.э., когда Ликия была освобождена от родосского господства [Polyb. XXX. 5. 12; Liv. XLV.25. 6; App. Syr. 44].

самые большие обладают каждый тремя голосами, города средней величины – двумя, а прочие – одним. В таком же соотношении они уплачивают подати и несут прочие повинности. По словам Артемидора, самых больших городов шесть: Ксанф, Патары, Пинары, Олимп, Миры и Тлос; последний лежит у горного прохода, ведущего в Кибиру. В собрании сначала выбирают ликиарха, а затем других должностных лиц союза. Суды они также назначают сообща. <...> Таким же образом они выбирают судей и должностных лиц от каждого города пропорционально количеству голосов. Ликийцам, проживавшим в столь благоустроенном государстве, удалось под римской властью пользоваться свободой и сохранить отеческие порядки» (*Strabo*. XIV. 3. 3. С 665).

Рассказ Страбона о Ликийском союзе с давних пор привлекал внимание ученых и даже политиков; в эпоху Просвещения о Ликии как прекрасном образце федеративной республики писали и Монтескье, и американские федералисты². В последующие столетия постепенное накопление эпиграфического материала, с одной стороны, подтвердило в целом достоверность сведений Артемидора³, а с другой – выявило определенные черты сходства в устройстве Ликийской федерации и других греческих союзных государств того же времени. С учетом того, что Ликийский союз был основан позднее других федераций эллинистического мира, стало понятно, что превозносимое Страбоном ликийское «благозаконие» (*εὐνομία*), которое мыслителям XVIII века казалось явлением едва ли не уникальным⁴, могло в известной степени основываться на заимствовании чужого опыта. Поэтому все чаще в научной литературе поднимается вопрос о том, откуда ведут свое происхождение институты федеративной государственности в Ликии.

В свое время Дж. Ларсен предположил, что какое-то влияние на развитие федерализма в Ликии могли оказать местные малоазийские традиции, связанные с объединением поселков и городов в союзы, указав на два примера таких сообществ, которые образовались в соседних с Ликией областях: Хрисаорейский союз в Кари и т.н. Четырехградье (*тетράπολις*), состоявшее из четырех полисов Писидии во главе с Кибирой [Larsen, 1968, p. 241–242]. Об этих объединениях пишет все тот же Страбон, из данных которого вытекает, помимо прочего, что в обоих сообществах существовала система пропорционального представительства, похожая на ликийскую: в Четырехградье Кибира имела два голоса, а остальные три города – по одному, а в Хрисаорейском союзе входившие в него полисы также имели неравное количество представителей в общем собрании (*Strabo*. XIII. 4. 17. С 631; XIV. 2. 25. С 660). Однако следует ли отсюда, что именно эти союзы послужили образцом для Ликийской федерации? Что касается Четырехградья, то это объединение возникло, по последним данным, не ранее 167 г. до н.э. [Kokkinia, 2008, p. 16–23, 28–29; Meier, 2019, S. 51–62], т.е. одновременно с Ликийским союзом или даже позже него. Хрисаорейский союз появился гораздо раньше⁵, однако, как будет показано далее, и его едва ли можно считать прямым прообразом Ликийской федерации. В Малой Азии того времени существовало множество разнообразных объединений (*κοινά*); в одной лишь Кари таких сообществ насчитывалось около двух с половиной десятков [Debord, 2003]. Большинство из них состояло из нескольких деревень, однако известны и достаточно большие союзы, участниками

² Имеется ряд специальных работ, посвященных восприятию и оценке сведений Страбона о Ликии в литературе XVIII в. [Giovannini, 2003, p. 146–147; Knoepfler, 2013; 2017; Lehmann, 2015, p. 516–517, 519, 521].

³ Один из последних примеров – не так давно обнаруженная надпись с текстом послания императора Коммода (190 г. н.э.), в котором одобряется решение Ликийского союза повысить статус города Бубона, причислив его к «городам с тремя голосами» [Kokkinia, 2008, p. 32–34, no. 5].

⁴ «Если бы надо было привести образец прекрасной федеративной республики, я указал бы на республику Ликию» [Montesquieu, 1951, p. 372].

⁵ О времени существования и устройстве Хрисаорейского союза сейчас благодаря эпиграфическим находкам известно гораздо больше, чем во времена Ларсена [Debord, 2003, p. 125–141; Chin, 2023, p. 194–195].

которых были крупные полисы. Из этих последних в один ряд с Хрисаорейским союзом можно поставить, в частности, объединение городов вокруг святилища Афины Илионской, которое даже чеканило свою монету [Lefevre, Pillot, 2015; Ellis-Evans, 2016; Chin, 2023, p. 191–192]. Характер организации такого рода союзов, разумеется, был хорошо известен ликийцам, но их устройство не могло служить образцом для Ликийской федерации по двум причинам. Во-первых, ни один из них не имел союзную армию, общее законодательство и прочие признаки единой и суверенной государственности, поскольку все они существовали в рамках крупных эллинистических государств. Во-вторых, типологически эти союзы скорее напоминали греческие амфикистии, т.к. центром каждого из них было какое-то святилище (например, Зевса Хрисаорейского, Афины Илионской)⁶, и главной целью объединения было, судя по всему, проведение совместных религиозных церемоний и празднеств [Chin, 2023, p. 189–190, 213–214]. Тем не менее знакомство с опытом, накопленным соседями (организация общих собраний, пропорциональное представительство и т.д.), могло сыграть некую роль в строительстве Ликийской федерации.

По мере накопления эпиграфического материала исследователи все чаще приходят к тому мнению, что союзы, которые могли послужить образцом для федерации ликийцев, следует искать не в Малой Азии, а в Балканской Греции. Во первой половине II в. до н.э. федеративные государства занимали почти всю территорию континентальной Эллады. Одно из них, Ахейский союз, имело в своем устройстве определенные черты, схожие с некоторыми деталями организации федеративной Ликии. Наиболее впечатляющими выглядят две конкретные параллели. После публикации надписи из ликийской Араксы SEG XVIII 570 (декрет в честь Орфагора, II в. до н.э.⁷) стало известно, что предводителей местных военных контингентов, отправляемых из каждого города в союзную армию, называли ἀποτέλειοι (сткк. 39–40). Этот же редкий термин обозначал и командиров городских отрядов в ахейском войске (IG V 2. 293; *Polýb.* X. 23. 9; XVI. 36. 3)⁸. Еще более разительным выглядит другое совпадение, выявленное благодаря находкам надписей из Эпидавра и Эгия в Пелопоннесе: описанное Страбоном представительство городов в ликийском собрании в соотношении 3:2:1, оказывается, имело полную аналогию в составе ахейской федеральной коллегии номографов («законописцев»), где крупные полисы имели трех представителей, средние – двух, а малые – одного (IG IV 1². 73; SEG LVIII 417).

Оба совпадения послужили основанием для далеко идущих выводов. Уже первый издатель надписи из Араксы предположил, что «ликийская армия была построена по образцу ахейской» [Bean, 1948, p. 48], о сходстве федеративных институтов в обоих союзах писал и Дж. Ларсен, комментируя тот же документ [Larsen, 1956, p. 167]. Г.А. Леман предположил, что система пропорционального представительства в Ликии была результатом прямого заимствования [Lehmann, 1983, S. 249–250]. По мнению Р. Бервальда, некоторые федеральные институты ликийцев были созданы в результате подражания аналогичным ахейским учреждениям [Behrwald, 2000, S. 163–165; 2015, p. 406, 409]. Высказывались и более категоричные мнения: «Конституция Ликийской конфедерации была инспирирована

⁶ В Ликийском союзе было два святилища, которые имели статус общесоюзных – Латоны, Аполлона и Артемиды в Патарах и Аполлона Отчего в Ксанфе; ни одно из них не считалось административным центром федерации [Behrwald, 2000, S. 181–187].

⁷ Уточнить датировку документа пока невозможно [обзор предположений: Curto Pelle, 2021], но ясно, что во время его создания Ликийский союз уже существовал.

⁸ В византийском лексиконе (Suidas s.v. ἀποτέλειοι) это понятие объясняется как «командиры по городам у иудеев» (οἱ κατὰ πόλεις ἡγεμόνες τῶν Ἰουδαίων). По-видимому, правомерно последнее слово многие считают ошибкой переписчика, предлагая читать Ἀχαιοὶν [Walbank, 1967, p. 228]. Если в оригинале действительно было написано «у ахейцев», то это было бы бесспорным доказательством именно ахейского происхождения данного термина, однако полной уверенности в правильности такого исправления нет.

ахейским образцом» [Giovannini, 2003, p. 172, not. 67], «ликийская симполития была основана на ахейской модели» [Кноерфлер, 2017, p. 332, not. 101]. Недавно развернутое сравнение федеративных институтов Ахейского и Ликийского союзов провел А. Ризакис, который отметил, что организация Ликийской федерации была в известной степени заимствована у ахейцев, хотя ахейская модель для создания Ликийского союза не была единственной [Rizakis, 2019, p. 236].

Действительно, схожих черт в организации этих двух федераций можно обнаружить довольно много, может быть, даже больше, чем упомянуто в названных работах. Вполне возможно, что ликийцы построили по ахейскому образцу верховный орган своей федерации – союзное собрание. Его работу в Ахейском союзе представители Ликии могли наблюдать воочию. Посольство из Ксанфа, направлявшееся в Рим в 178/7 г. до н.э., в то самое время, когда войны с родосцами побуждали ликийцев начать строительство союза, по дороге остановилось в Пелопоннесе (*Polyb.* XXV. 4. 3) с очевидной целью заручиться поддержкой ахейцев перед выступлением в римском сенате⁹. Вопросы такого характера в Ахейском союзе решались только союзным собранием, проведения которого ликийцы должны были дожидаться. Посетив очередное заседание союзной ассамблеи, которое у ахейцев называлось синодом¹⁰, посланцы из Ликии могли убедиться, насколько эффективно мог действовать государственный орган, состоящий из делегаций, отправленных примерно шестьдесятю полисами Пелопоннеса и построенный по принципу пропорционального представительства. Сейчас, после находки надписи из Мессении SEG LVIII 370, можно считать доказанным, что в ахейском синоде этого времени участвовали не все желающие посетить заседание граждане союза, как полагал в свое время А. Эймар [Aymard, 1938, p. 42–64], а строго определенное количество представителей каждого полиса [Sizov, 2017, p. 395–400].

Ахейский пример мог также показать, что подобная практика была вполне совместима с основополагающим принципом греческой демократии, согласно которому верховная власть должна принадлежать народному собранию. Опираясь на предположение Дж. Ларсена, что во II в. до н.э. ахейский синод представлял собой заседание постоянного союзного совета, который заменил существовавшее ранее регулярно созываемое народное собрание [Larsen, 1955, p. 75–99, 165–188], Г.А. Леман и А. Ризакис высказали мнение, что ликийцы также сделали верховным органом своего союза федеральный совет [Lehmann, 1983, S. 250; Rizakis, 2019, p. 230–233]. Однако есть серьезные основания усомниться в самом существовании союзного совета в Ахейской федерации эллинистического времени. Слово βουλή, которым Полибий часто обозначает совокупность участников синода, в некоторых пассажах выступает синонимом понятия «экклесия», а количество присутствующих на собрании ахейцев (вероятно, не менее шести тысяч) было столь велико, что историк называет участников синода так, как обычно именуют народную массу: οἱ πολλοί, τὸ πλῆθος, а иногда даже ὄχλος (*Polyb.* XXII. 8. 13; 9. 10; XXVIII. 7. 14; XXIX. 23. 9; 24. 1; 24. 5; XXXIII. 16. 3; 16. 7; XXXVIII. 13. 6; 17. 1). По всей видимости, синод был не заседанием государственного совета с неизменным в течение года составом, а многолюдным собранием больших и малых делегаций из разных полисов, напоминавшим во многих отношениях народное собрание [Sizov, 2017].

Если принять такое толкование сведений источников о составе ахейских синодов и если ликийцы действительно создали свою союзную ассамблею по образцу ахейской, то стано-

⁹ Возможность того, что именно это посольство привезло в Ликию сведения об устройстве Ахейского союза, уже отмечалась в литературе [Кноерфлер, 2017, p. 328–329; Rizakis, 2019, p. 234].

¹⁰ Для проведения чрезвычайного собрания (синклита) сразу после приезда послов из Ксанфа оснований не было: синклит созывался только для объявления войны, заключения мира или союза, а также для заслушивания письменного послания от римского сената (*Polyb.* XXII. 10. 12; 12. 6; *Liv.* XXXIX. 33. 7; *Paus.* VII. 9. 1).

вится понятным, почему в надписях верховный орган Ликийской федерации называется «народным собранием» (ἐκκλησία)¹¹. Собрание ликийцев насчитывало от одной до полутора тысяч человек¹² и было достаточно многолюдным, чтобы соответствовать названию «экклесия». Р. Бервальд отмечает, что ликийская союзная ассамблея, будучи одновременно народным собранием и представительным органом, выглядит явлением уникальным [Behrwald, 2015, p. 409], однако, как уже было сказано, ахейский синод вполне мог иметь такой же характер. Показателен также тот факт, что в Ликии времен независимости, как и в Ахейском союзе, едва ли существовал наряду с экклесией союзный совет. Страбон пишет лишь об одном представительном органе, управлявшем союзом. В надписях II–I вв. до н.э. ликийский федеральный совет (βουλή) не упоминается, хотя во времена Империи он уже существовал¹³. Таким образом, высшие институты власти в Ахейском и Ликийском союзах, скорее всего, были устроены иначе, чем в традиционном греческом государстве, будь то полис или федерация, где отдельно существовали совет и народное собрание.

В организации ахейских и ликийских союзных собраний можно усмотреть еще две примечательные черты сходства. Регулярные собрания ахейцев до 188 г. до н.э. проводились в Эгии, однако в указанном году этот порядок был изменен, и синоды стали созываться в разных городах союза (*Liv.* XXXVIII. 30. 1–6). Ликийцы также постоянно меняли место проведения федеральных ассамблей. Подобная практика не характерна для большинства греческих федераций, хотя известно, что ее отчасти придерживались этолийцы, которые одно из двух ежегодных союзных собраний проводили осенью в одном и том же месте – в Ферме, религиозном центре их федерации, но другое, весеннее («Панэтолийское») созывали в разных городах [Funke, 2013]. Кроме того, ахейский синод заседал четыре раза в год, в определенные сроки [Aymard, 1938, p. 233–276], а ликийское собрание ежегодно созывалось трижды, а может быть, и четырежды¹⁴. Таким образом, ахейский синод мог послужить своего рода образцом для организации союзного собрания ликийцев.

¹¹ В императорскую эпоху собрание ликийцев заседало лишь один раз в год. В этот период оно созывалось главным образом ради выборов и поэтому в эпиграфике именуется «избирательным народным собранием» (ἀρχαιεστιακὴ ἐκκλησία) [Behrwald, 2000, S. 188–193; 2015, p. 409]. В период формальной независимости Ликии, когда на собрании обсуждались самые разнообразные вопросы, включая внешнеполитические, как о том сообщает Страбон (*XIV. 3. 3.* С 665), и заседало оно не менее трех раз в год (ТАМ II 583, сткк. 2–4), эта ассамблея должна была называться просто ἐκκλησία. Использованное Страбоном выражение κοινὸν συνέδριον для обозначения ликийского собрания является описательным, в эпиграфике не встречается и, стало быть, не соответствует официальному названию этого органа [Behrwald, 2000, S. 163, 206–209].

¹² Здание «булевертия» в Патарах, где, по всей вероятности, должно было заседать союзное собрание, когда оно собиралось в этом городе, вмещало от 1000 до 1400 человек [Korkut, Grosche, 2007, S. 43, 79–81].

¹³ Самое раннее упоминание о ликийских булевтах (ТАМ II 508, сткк. 22–23) относится к I в. н.э. Р. Бервальд считает, что документ был создан вскоре после 43 г. н.э., когда Ликия вошла в состав римской провинции (*Suet. Claud. 25. 3; Dio Cass. LX. 17. 3–4*), но поскольку некоторые термины и выражения, использованные в надписи, не характерны для ликийской эпиграфики более позднего времени, все же возможно, что ТАМ II 508 отчасти отражает состояние союза в предыдущий период, а стало быть, союзный совет (βουλή) мог существовать и ранее, в период независимости [Behrwald, 2000, S. 207–208; 2015, p. 409]. Впрочем, Бервальд не рискует утверждать, что совет функционировал уже в то время, когда о Ликийском союзе писал Артемидор (т.е. около 100 г. до н.э.), и неоднократно делает оговорку, что предположение о создании совета еще в период независимости не может быть доказано при нынешнем состоянии источников [Behrwald, 2000, S. 204–205; 209; 2015, p. 409]. По-видимому, следует согласиться с Ш. Джеймсоном, который считает, что совет Ликийского союза появился только после правления Августа [Jameson, 1980, p. 843].

¹⁴ В почетном постановлении, принятом в конце периода независимости Ликии, упомянуто, что удостоенный почестей персонаж, будучи ликиархом, провел три сессии союзного собрания (τὰς τρεῖς συναγωγὰς τοῦ κοινού: ТАМ II 583, сткк. 2–4). Если предположить, что глава федерации председательствовал на обычных заседаниях, но не мог руководить тем собранием, где происходили выборы его преемника (чтобы не влиять на мнение избирателей), то получится, что ликийская ассамблея заседала не три, а четыре раза в год, и совпадение будет полным.

Данное обстоятельство, с нашей точки зрения, является более важным, чем одинаковое соотношение представителей разных городов (3:2:1) в ликийском собрании и ахейской коллегии номографов. Кроме того, мы не можем быть уверены, что в Ахейской федерации эта пропорция была универсальной, как в Ликии, т.е. соблюдалась при формировании состава синода, комплектовании союзной армии, определении размеров взносов, которые уплачивали полисы в федеральную казну. Хотя Г.А. Леман утверждает, что дело обстоит именно таким образом [Lehmann, 1983, S. 245–247], а А. Ризакис называет такое предположение «захватывающей гипотезой» [Rizakis, 2019, p. 236], некоторые соображения могут подвести нас к иному выводу. В Ликии, где разница в размерах между многочисленными и небольшими по меркам эллинистической эпохи городами была не слишком велика, соотношение 3:2:1 могло примерно соответствовать численности гражданских коллективов, а также финансовым и военным возможностям разных полисов, но в Пелопоннесе различия в размерах между большими и малыми полисами были гораздо более ощутимыми. При формировании коллегии номографов истинные пропорции были несколько искажены в пользу меньших общин. Список номографов из Эпидавра (IG IV 1². 73), демонстрирует, что Эгий и Дима, города Ахайи, имели столько же мест в коллегии (по два), что и Сикион, гораздо более значительный полис¹⁵. В более позднем списке (SEG LVIII 417) Спарта имеет трех представителей, Мегалополь и Мессена – двух, а маленькие общины Мессении (Кипариссии, Асина, Корона) – по одному, т.е. трех все вместе. Это соотношение, явно не соответствовавшее настоящей разнице в размерах городов, было еще терпимым в политических органах – в коллегии номографов и, может быть, даже на синодах. Однако три маленькие мессенские общины, даже вместе взятые, едва ли были в силах отправлять в союзную армию больше воинов и уплачивать в федеральную казну больше денег, чем Мегалополь или Мессена. Известно, что в конце Союзнической войны (220–217 гг. до н.э.) участие крупнейших городов в формировании воинских частей было более значительным, чем требовало соотношение 3:2:1¹⁶. Поэтому можно предположить, что если ликийцы и заимствовали эту пропорцию у ахейцев, то именно в Ликии она приобрела универсальный характер, регулируя все виды участия полисов в федеральных делах, в то время как в Ахейском союзе могли применяться и иные соотношения.

Как показывает использование в обеих федерациях упомянутого выше редкого термина *ἀποτέλειος*, определенное заимствование ахейского опыта имело место и в военной организации Ликийского союза. Титулы высших военных командиров и у ахейцев, и у ликийцев были традиционными для греческих государств, в т.ч. федеративных: «стратег» (главнокомандующий), «гиппарх» (командир конницы), «наварх» (командир флота)¹⁷. Однако не столь распространенным было одинаковое в обоих союзах название должности заместителя стратега - *ὀλοστρατήγος*. О существовании такой должности в Ахейском союзе сообщает Полибий (IV. 59. 2; V. 94. 1; XXXVIII. 18. 2), а совсем недавно была обнаружена надпись с описанием карьеры знатного ликийца [Baker, Thériault, 2018], который занимал такой же

¹⁵ Плутарх, повествуя о присоединении Сикиона к Ахейскому союзу, подчеркивает это различие, назвав ахейцев «обитателями маленьких городков» (μικροπόλῖται: *Plut. Arat.* 9. 4).

¹⁶ Когда в 217 г. до н.э. ахейцы постановили сформировать постоянное отборное войско, самым крупным полисам из входивших тогда в союз, Аргосу и Мегалополю, было поручено выставить по 500 воинов, что составляло в сумме 1/3 всего корпуса (*Polyb.* V. 91. 6–7). В близком по времени к этому событию списке номографов (IG IV 1². 73) Аргос и Мегалополь имеют только ¼ мест, если считать этот список полным; если же принять во внимание вполне вероятную возможность того, что в данном списке перечислены не все номографы, входившие в коллегия [Sizov, 2016, p. 106–108], то удельный вес представителей этих двух крупных городов в составе данного органа будет еще меньшим.

¹⁷ Ссылки на данные источники об этих военных должностях в обоих союзах приведены в специальных работах: [Сизов, 1989, с. 57–59; Baker, Thériault, 2005, p. 357].

пост в своей федерации (стк. 7: ὑποστρατηγῆσαντα Λυκίων τοῦ κοινοῦ). Является ли название этой должности результатом подражания ликийцев именно ахейским учреждениям, как полагают издатели надписи [Baker, Thériault, 2018, p. 307], – вопрос спорный, поскольку заместители стратегов с таким титулом известны также в Союзе магнетов (IG IX 2. 1111; 1112) и даже на Кикладских островах (IG XII 5. 881; 883–885; 1019).

В Ахейском союзе прямое отношение к должности ὑποστρατηγός имел также термин συντέλεια, который обозначал территориальный округ. Отрывочные данные Полибия связывают смысл существования συντέλεια с военными действиями¹⁸, хотя само это слово подразумевает объединение для совместной уплаты денежных взносов. В Ликийском союзе известны два округа под тем же названием (OGIS 565; IGR 488), каждый из которых включал несколько городов, объединявших усилия для монетной чеканки [Troxell, 1982, p. 112–117]. Этих сведений слишком мало, чтобы предполагать прямое подражание, тем более что округа с названием συντέλεια существовали не только в этих двух союзах. В частности, в Первом Афинском морском союзе так называлось объединение полисов для совместной уплаты фороса [Jensen, 2019]. В целом ликийская военная организация вряд ли была идентичной ахейской во всех отношениях, если учесть различия в политической и военной обстановке в Пелопоннесе и на юге Малой Азии; например, Ликийскому союзу приходилось вести постоянную борьбу с пиратами (ТАМ II 265; 319), в то время как вооруженные силы Ахейского союза имели иные задачи.

А. Ризакис перечисляет еще несколько совпадений в организации Ликийской и Ахейской федераций [Rizakis, 2019, p. 235–236], однако во всех названных им случаях говорить о прямом заимствовании довольно трудно. Уже упоминавшаяся коллегия номографов существовала не только в Ахейском союзе, но и в Ликии (ТАМ II 420), однако это учреждение в эллинистическое время было создано во многих греческих государствах, как полисных, так и федеративных [Quass, 1971, S. 57–68]. Должности казначеев (ταμίαι) и военных командиров (ἡγεμόνες) были еще более распространены в греческом мире. Пополнение федеральной казны регулярными и чрезвычайными взносами полисов, пропорциональными размерам и экономическим возможностям городов, было обычным делом в греческих федерациях¹⁹. То же самое касается и поведения союзных властей при урегулировании споров между субъектом федерации и его иностранным соседом путем проведения переговоров или третейского суда: в поддержку требований своего полиса отправляли специальные делегации и ликийцы (SEG LX 1569, сткк. 9–15), и ахейцы, и беотийцы (оба союза поддерживают свои города: SEG XIII 327). Параллель здесь очевидна [Rousset, 2010, p. 76–77; Rizakis, 2019, p. 237, not. 103], но о подражании именно ахейской практике со стороны Ликии речь едва ли может идти как в этом случае, так и в объяснении еще одного совпадения – обычая направлять посольства полисов к федеральным властям (Ахейский союз: SEG XI 1107, сткк. 10–11, 16; Ликия: SEG XVIII 570, сткк. 18–19), каковую параллель подчеркнул Ларсен [Larsen, 1956, p. 167]. Гражданские общины, общаясь через посольства с центральной властью, будь то монарх или союзное правительство, демонстрировали таким образом свою автономию во всем эллинистическом мире. О взаимоотношениях между

¹⁸ Отрядом ахейского войска на западе Ахайи командовал в 217 г. до н.э. ὑποστρατηγός τῆς συντέλειας (Polyb. V. 94. 1). В 146 г. до н.э. войска из того же округа (συντελικόν) выполняли отдельную задачу в войне с Римом (Polyb. XXXVIII. 16. 4). Неизвестно, делилась ли вся территория Ахейского союза на подобные округа [Ferrabino, 1921, p. 297–300; Corsten, 1999, S. 166–177] или συντέλεια, объединявшая города Западной Ахайи, была единственной [Larsen, 1971, p. 84–86; Rizakis, 2019, p. 229].

¹⁹ Взносы (εἰσφοραί) полисов в казну Ахейского союза: Polyb. IV. 60. 1–10; V. 30. 5; 91. 4; 94. 9. О схожей системе налогообложения в Ликии имеется свидетельство Страбона (XIV. 3. 3. С 665), подтверждаемое рядом надписей императорской эпохи [Behrwald, 2015, p. 426]. Пропорциональный принцип при определении размеров взносов в Беотии: Hell. Ox. XVI. 3–4; в Этолийском союзе: Syll³. 546 В, сткк. 20–21.

полисами и федеральным правительством в союзах Греции ликийцы могли узнать еще в конце III в. до н.э., когда в Ксанф прибыло посольство из Китения, чтобы попросить денег для восстановления городских стен. Отправляясь в поездку по «родственным» городам Малой Азии, послы Китения обратились к правительству Этолийского союза, в котором состоял их полис, и заручились его поддержкой, получив соответствующее постановление союзного совета и рекомендательное письмо, подписанное высшими должностными лицами федерации (SEG XXXVIII 1476). Несомненно, у ликийцев были и другие возможности ознакомиться с практикой взаимодействия между полисами и федерацией в союзах Греции.

Ликийский союз, разумеется, не был точной копией Ахейского. Об этом свидетельствует и существование двух федеральных религиозных центров вместо одного, и иной стандарт монетной чеканки (эгинский у ахейцев, родосский у ликийцев), и некоторые другие различия, главным из которых представляется несовпадение титула и полномочий высшего должностного лица в обоих союзах. В Ахейской федерации главой государства был стратег, обладавший огромной властью и выполнявший обязанности верховного главнокомандующего вооруженными силами [Сизов, 1989, с. 57–59]. У ликийцев высшим должностным лицом был ликиарх, о чем свидетельствуют и Страбон, и многочисленные надписи императорского времени [Behrwald, 2015, p. 409]. Само наименование этой должности было создано тем же способом, что и название высших магистратов в нескольких греческих федерациях II в. до н.э. (беотархи в Беотии, фокархи в Фокиде, магнетархи в Союзе магнетов и т.д.). В Ликийской федерации в период независимости были и стратеги, командовавшие войсками²⁰. Во время первой войны Рима против Митридата VI Понтийского стратег Кринолай был провозглашен «стратегом-автократором», получив неограниченную военную власть, а затем был удостоен почестей от собрания воинов (SEG XLV 1825). Подобное различие ликийских и ахейских порядков иногда пытаются свести на нет предположением, что у ликийцев «ликиарх» и «стратег» – разные названия одной и той же должности [Larsen, 1968, p. 251–252; Marek, 1995, S. 12–13; Özer, 2013, p. 215]²¹. Однако текст недавно найденной надписи из Патар SEG LXV 1482 (II или I в. до н.э.), где говорится, что один из граждан города был в разное время и ликиархом, и стратегом Ликийского союза (сткк. 6–8), доказывает обратное [Lepke et al., 2015, S. 307; Baker, Thériault, 2018, p. 327–328]. По всей видимости, ликийцы по каким-то причинам разделили верховные военные и «гражданские» полномочия, предоставив их разным должностным лицам. Такое распределение полномочий не характерно для греческих федераций вообще, а в крупнейших союзах II в. до н.э. (Ахейский, Этолийский, Фессалийский) было просто немыслимым.

Таким образом, определенные элементы союзной организации в Ахейской и Ликийской федерациях были полностью или отчасти идентичными, и предположение о прямом заимствовании ахейского опыта ликийцами имеет под собой основания. Тем не менее не следует утверждать, что Ликийский союз был целиком построен по ахейской «модели». Создавая свою федерацию, ликийцы могли применять те принципы, которые давно утвердились в греческих союзах, например, идею пропорционального представительства, и подражать практике, широко распространенной в федеративных государствах Греции. Некоторые же особенности организации Ликийского союза вполне могли быть результатом оригинального политического творчества.

²⁰ Упоминания о стратегах фигурируют главным образом в почетных декретах императорской эпохи, где перечисляются титулы предков чествуемого лица [Baker, Thériault, 2005, p. 357; Reitzenstein, 2011, S. 28].

²¹ Некоторые другие авторы, подчеркивающие сходство ахейских и ликийских учреждений, по данному поводу ограничиваются замечанием, что идентичность ликиарха и стратега возможна, но не доказана [Behrwald, 2015, p. 409–410; Rizakis, 2019, p. 236, n. 94].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / ABBREVIATIONS

- IG – *Inscriptiones Graecae*. Berlin: Reimer, 1873 –.
- IGR – *Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes*. Ed. by R. Cagnat et al. Paris: Leroux, 1911–1927.
- OGIS – *Orientis Graecae Inscriptiones Selectae*. Ed. by W. Dittenberger. Leipzig: Hirzel, 1905.
- SEG – *Supplementum Epigraphicum Graecum*. Leiden; Amsterdam: Brill, 1923–.
- Syll³ – *Sylloge Inscriptionum Graecarum. Editio tertia*. Ed. by W. Dittenberger. Leipzig: Hirzel, 1915–1920.
- TAM – *Tituli Asiae Minoris*. Ed. by E. Kalinka et al. Wien: Hoelder, 1901–.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Сизов С.К. *Ахейский союз*. М.: Прометей, 1989 [Sizov S.K. *The Achaian League*. Moscow: Prometey, 1989 (in Russian)].
- Aymard A. *Les assemblées de la confédération achaienne: étude critique d'institutions et d'histoire*. Bordeaux: Férét et fils, 1938.
- Baker P., Thériault G. Les Lyciens, Xanthos et Rome dans la première moitié du 1er s. a.C.: nouvelles inscriptions. *Revue des Études Grecques*. 2005. Vol. 118. Pp. 329–366.
- Baker P., Thériault G. Xanthos et la Lycie à la basse époque hellénistique. Nouvelle inscription honorifique xanthienne. *Chiron*. 2018. Vol. 48. Pp. 301–331.
- Bean G. Notes and Inscriptions from Lycia. *Journal of Hellenic Studies*. 1948. Vol. 68. Pp. 40–58.
- Behrwald R. *Der Lykische Bund. Untersuchungen zu Geschichte und Verfassung*. Bonn: Habelt, 2000.
- Behrwald R. The Lykian League. *Federalism in Greek Antiquity*. Ed. by H. Beck, P. Funke. Cambridge: University Press, 2015. Pp. 403–418.
- Chin M. Some Observations on *Koina* and Monetary Economy in Hellenistic Asia Minor. *Gephyra*. 2023. Vol. 25. Pp. 189–221.
- Corsten T. *Vom Stamm zum Bund. Gründung und territoriale Organisation griechischer Bundesstaaten*. München: Oberhummer Ges., 1999.
- Curto Pelle I.C. The Araxa Honorary Decree for Orthagoras: Dating and Historical Context. *The Johns Hopkins University Macksey Journal*. 2021. Vol. 2. Pp. 2–27.
- Debord P. Cité grecque – village carien. Des usages du mot *koinon*. *Studi ellenistici*. 2003. Vol. 15. Pp. 115–180.
- Ellis-Evans A. The *Koinon* of Athena Ilias and its Coinage. *American Journal of Numismatics*. 2016. Vol. 28. Pp. 105–158.
- Ferrabino A. *Il problema della unità nazionale nella Grecia, I : Arato di Sicyone e l'idea federale*. Firenze: Felice Le Monnier, 1921.
- Funke P. Thermika and Panaitolika. Alte und neue Zentren im Aitolischen Bund. *Greek Federal States and Their Sanctuaries. Identity and Integration*. Ed. by P. Funke, M. Haake. Stuttgart: Steiner, 2013. S. 49–64.
- Giovannini A. Genèse et accomplissement de l'Etat fédéral (de la Grèce antique à la Constitution américaine de 1787–1789). *The Idea of European Community in History*. Ed. by K. Buraselis, K. Zoumboulakis. Vol. II. Athens: National and Capodistrian University, 2003. Pp. 143–176.
- Jameson S. The Lykian League: Some Problems in Its Administration. *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. Vol. II 7.2. Berlin; New York: De Gruyter, 1980. Pp. 832–855.
- Jensen S.R. *Syntelesia* and *Apotaxis* on the Athenian Tribute Lists. *Hegemonic Finances: Funding Athenian Domination in the 5th and 4th Centuries BC*. Ed. by T.J. Figueira, S.R. Jensen. Swansea: Classical Press of Wales, 2019. Pp. 55–77.
- Knoepfler D. “Un modèle de belle république fédérative”? Montesquieu et le système politique des Lyciens, de la genèse de l'Esprit des Lois aux découvertes épigraphiques les plus récentes en Asie Mineure méridionale. *Journal des Savants*. 2013. No. 1. Pp. 115–154.

- Knoepfler D. Pour la Lycie (et l'Achaïe) contre la Hollande (et la Suisse): perspectives nouvelles sur Montesquieu et le fédéralisme. *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 2017. Vol. 161. Pp. 293–336.
- Kokkinia C. *Boubon. The Inscriptions and Archaeological Remains*. Athens: Diffusion de Boccard, 2008.
- Korkut T., Grosche G. *Das Bouleuterion von Patara. Versammlungsgebäude des Lykischen Bundes*. Istanbul: Ege Yayinlari, 2007.
- Lanciers E. The Alleged Relations between Ptolemaic Egypt and Lycia after 197 BC and the Founding Date of the Lycian League. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 2017. Vol. 204. Pp. 116–127.
- Larsen J.A.O. *Representative Government in Greek and Roman History*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1955.
- Larsen J.A.O. The Araxa Inscription and the Lycian Confederacy. *Classical Philology*. 1956. Vol. 51. Pp. 151–169.
- Larsen J.A.O. *Greek Federal States: Their Institutions and History*. Oxford: Clarendon, 1968.
- Larsen J.A.O. The Rights of Cities within the Achaean Confederacy. *Classical Philology*. 1971. Vol. 66. Pp. 81–86.
- Lefevre F., Pillot W. La Confédération d'Athens Iliad: administration et pratiques financières. *Revue des Études Grecques*. 2015. Vol. 128. Pp. 1–27.
- Lehmann G.A. Erwägungen zur Struktur des Achaïischen Bundesstaates. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1983. Bd. 51. S. 237–261.
- Lehmann G.A. Greek Federalism, the Rediscovery of Polybios, and the Framing of the American Constitution. *Federalism in Greek Antiquity*. Ed. by H. Beck, P. Funke. Cambridge: University Press, 2015. Pp. 512–523.
- Lepke A., Schuler C., Zimmermann K. Neue Inschriften aus Patara III: Eliterepräsentation und Politik in Hellenismus und Kaiserzeit. *Chiron*. 2015. Vol. 45. S. 291–384.
- Marek C. Der lykische Bund, Rhodos, Kos und Mithradates: Basis mit Ehreninschrift für Krinolaos, Sohn des Artapates von Patara. *Lykia*. 1995. Vol. 2. S. 9–21.
- Meier L. *Kibyra in hellenistischer Zeit. Neue Staatsverträge und Ehrenschriften*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2019.
- Montesquieu C. *De l'Esprit des Loix*. Paris: Pléiade, 1951.
- Özer E. The Lycian League and Olympus in Eastern Lycia. *Mediterranean Journal of Humanities*. 2013. Vol. 3. Pp. 211–224.
- Quass F. *Nomos und Psephisma: Untersuchung zur griechischen Staatsrecht*. München: Beck, 1971.
- Reitzenstein D. *Die lykischen Bundespriester. Repräsentation der kaiserzeitlichen Elite Lykiens*. Berlin: Akademie Verlag, 2011.
- Rizakis A. Achaeans and Lykians: a Comparison of Federal Institutions. *Ethnos and Koinon. Studies in Ancient Greek Ethnicity and Federalism*. Ed. by H. Beck, K. Buraselis, A. McAuley. Stuttgart: Steiner, 2019. Pp. 219–242.
- Rousset D. *De Lycie en Cabalide: la convention entre les Lyciens et Termessos près d'Oinoanda*. Genève: Droz Librairie, 2010.
- Sizov S.K. Two Lists of the Achaian Nomographoi. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 2016. Bd. 198. Pp. 101–109.
- Sizov S.K. On the Composition of the Achaian Synodos in Polybios' Time. *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2017. Vol. 57. Pp. 381–414.
- Troxell H.A. *The Coinage of the Lycian League*. New York: American Numismatic Society, 1982.
- Walbank F. *A Historical Commentary on Polybios*. Vol. 2. Oxford: Clarendon, 1967.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СИЗОВ Сергей Кузьмич – доктор
исторических наук, профессор
Нижегородского государственного
университета имени Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия.

Sergey K. SIZOV, DSc (History), Professor,
Lobachevsky State University of Nizhny
Novgorod, Russia.